

Л. а. а. а.

1838 - 1842.

*1867
21*

УКРАИНСКІЯ БЫЛИ.

1657 — 1710.

*12 I
332*

229255

Л. Сроженский, И. Д.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1838.

*34
58*

ВЫГОВСКИЙ И ПУШКАРЬ.

1657-1658.

I.

15 Августа 1657 года умеръ Богданъ Хмельницкій, оставляя своего молодого, 16-тилѣтняго сына Юрія подъ опекой Войсковаго Генеральнаго Обознаго Носача, В. г. Судьи Лѣсницкаго и В. г. Писаря Ивана Выговскаго, и завѣщая Полковнику Полтавскому Мартыну Пушкарю — кого-бы ни избрали Козаки своимъ Гетманомъ, всякому говорить свою думу, хравить мѣръ въ Украинѣ, чтить Козацкую славу.

Юрій былъ молодъ; Юрій былъ слабый, немыслящій отрокъ, вѣчный рабъ воли своихъ любимцевъ, хоть и полный самоувѣренности въ свой умъ и силу воли. Таковъ былъ онъ юношей; такимъ встрѣтили его и раннія сѣдины — не горя сѣдины, а разгульной жизни, — и ни личная храбрость, его одушевлявшая хоть и рѣдко, ни сердце склонное отъ природы къ добру, ни та хитрость, которая заслужила ему еще въ дѣтствѣ любовь отца — ничто не помогало ему, когда онъ долженъ былъ защищать самъ себя. Отъ Юрія ничего добраго не могла ждать Украина.

Его старшіе опекуны — Носачъ и Лѣсницкій — были такіе-же ничтожные люди, когда-то храбрые, когда-то любимые войскомъ, теперь уже пережившіе самихъ себя, уже искавшіе своего счастья въ томъ, что-бы покойно жить подъ чьей-нибудь защитой.

Оставались два человѣка изъ пяти, стоявшихъ во главѣ Гетманщины того

времени — Выговскій и Пушкаръ, свѣжіе силами, полные надеждъ. И вотъ кто были они: —

Выговскій былъ Шляхтичъ Польскій, славнаго роду Абданкъ, и служа съ молодыхъ лѣтъ въ войскѣ Короны, всегда отважно проливалъ свою кровь за отчизну, пока судьба указала ему путь въ Украину, пока дала ему саблю Козацкую, и вложила въ его умъ думу — быть на славу Козакомъ, какихъ бывало немного. Въ то время Украина начинала вооружаться противъ Поляковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Поляки выслали противъ него войско съ сыномъ Короннаго Гетмана Николая Потоцкаго, — въ этихъ Польскихъ рядахъ былъ и Выговскій. Поляки были разбиты у Никитина Рока и у Желтыхъ водъ, — въ числѣ плѣнниковъ Богдана былъ и Выговскій. Недолго спустя Выговскій былъ уже Козакомъ, любимцемъ Хмельницкаго, — и участь его была рѣшена. Умъ коварный, умѣнье говорить

красно и увлекательно, нравъ уживчивый, самолюбіе, презиравшее всѣмъ для достиженія предположенной цѣли, открыли новому Козаку путь широкій. Приобрѣтши любовь и довѣренность Хмельницкаго, онъ быстро возвышался. Битва Желтоводская была 5 Апрѣля 1646 года, — а въ 1651 году Сентября 8 подъ договорными статьями Хмельницкаго съ Королемъ Польскимъ Выговскій подписался уже Писаремъ Войска Запорожскаго, Писаремъ — правителемъ всѣхъ письменныхъ дѣлъ Гетманщины. Съ тѣхъ поръ онъ былъ правою рукою Хмельницкаго, его лучшимъ совѣтникомъ, лучшимъ другомъ, и дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ труды и славу. Онъ уже не былъ Полякомъ, то есть — казался, что не былъ, и участвовалъ въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Державѣ Русской съ такимъ видимымъ усердіемъ, что въ Москвѣ считали его почти столько-же важнымъ какъ самъ Гетманъ Хмельницкій, а Царь Алексѣй Михайловичъ

въ своихъ жалованныхъ грамотахъ Войску Запорожскому не забывалъ его имени ставить рядомъ съ именемъ Хмельницкаго. Послѣ 1654 года Хмельницкій поручилъ все управленіе дѣлъ Выговскому, и Выговскій могъ самовольно править Украйной, какъ старшій, не опасаясь ни враговъ, ни суда. Онъ зналъ какъ поступать, — умѣлъ употреблять въ свою пользу и деньги, и лесть, и угрозы, и обѣты, умѣлъ однихъ заставить молчать, другихъ заставить говорить, и только сохранялъ видимую покорность къ Хмельницкому. Хмельницкій умеръ, — для Выговскаго отрылось новое поприще, отъ котораго онъ много надѣялся.

Не таковъ былъ Мартынъ Пушкарь, Полковникъ Полтавскій. Храбрый вождь на полѣ битвы, любимый всѣмъ Войскомъ, прославляемый за свои подвиги въ народныхъ пѣсняхъ, онъ былъ столько же прямодушенъ, сколько и храбръ, — ненавидѣлъ своекорыстія, говорилъ всякому правду въ глаза, выводилъ на

чистую воду всѣ подлые замыслы и дѣла своихъ товарищей, не рѣдко саблею защищалъ свою правду противъ неправды другихъ. Вѣрный сынъ Украины, пылкій какъ юноша въ любви къ ней и къ правдѣ, онъ имѣлъ за себя Войско и противъ себя старшинъ, презиралъ ихъ враждою, и тѣмъ болѣе вооружалъ противъ себя.

Такимъ людямъ, какъ Выговскій и Пушкаръ, досталось остаться первыми въ Украинѣ по смерти Хмельницкаго, править ею, хранить миръ, чтить Козацкую славу. — Они не могли ужиться. Кому-нибудь изъ двухъ должно было сойдти съ поприща, по крайней мѣрѣ замолчать предъ своимъ товарищемъ, если не совсѣмъ погибнуть.

II.

Выговскій провозгласилъ Юрія Хмельниченка Гетманомъ, сталъ управлять Гетманщиной отъ его имени, и

умѣлъ склонить многихъ на свою сторону — кого обѣщаніями, кого страхомъ. Всѣ молчали предъ его волей, — не смолчалъ одинъ Пушкаръ. Узнавши о его самовольномъ распоряженіи Гетманщиной, Пушкаръ написалъ къ Выговскому: — Не намъ, товарищъ, съ тобою быть гетманами, наслѣдниками славнаго имени Богдана. Если Генеральный Судъ повѣрилъ тебѣ Юрія Хмельниченка, то храни его, а не дѣйствуй за него; остерегай его отъ худаго, а не дѣлай худаго его именемъ. Знай, что и на судью всей Украины есть судьи неслѣпые, нечѣмые, неувѣчные. — Можетъ быть, и прежде Пушкаръ и Выговскій враждовали другъ съ другомъ; теперь должна была для нихъ начаться рѣшительная борьба, и она должна была открыть собою длинный рядъ междоусобій, ожидавшихъ Украину по смерти Богдана Хмельницкаго.

Кто знаетъ, что думалъ Выговскій, читая письмо прямодушнаго Пушкаря.

Въ иныхъ обстоятельствахъ онъ, можетъ быть, презрѣлъ-бы имъ; но не могъ презрѣть ими теперь: онъ надѣялся обратить его въ свою пользу. Притворясь оскорбленнымъ, Выговскій прочелъ письмо Пушкаря на первомъ засѣданіи Генеральнаго Суда. Онъ говорилъ, принося жалобу на несправую обиду: — Не какъ Выговскій, простой Козакъ, товарищъ Войска Запорожскаго, прошу призору, а какъ опекунъ молодаго Гетмана, какъ избранный всѣмъ Войскомъ быть защитникомъ юноши. Дѣла мои всѣ предъ вашими глазами. Судите меня, и осудите невиннаго, если вамъ любо распрями поминать память вашего покойнаго Гетмана. — Выговскій надѣялся выиграть, и выигралъ: всѣ члены Суда взяли его сторону. Онъ могъ быть еще смѣлѣе.

Недолго спустя Выговскій получилъ позволеніе брать съ собою kleynoty Гетмана, когда случай заставитъ его идти на войну; потомъ онъ сталъ

подписываться Гетманомъ »на той часъ Войска Запорожскаго»; наконецъ, удаливъ Юрія Хмельниченка въ Кіевъ будто бы на ученіе, провозгласилъ себя Гетманомъ на три года, и началъ самовольно распоряжаться Войсковою казною. — Пушкарю-ли было молчать, и Пушкаръ снова написалъ къ Выговскому такое-же ругательное письмо. Онъ писалъ къ Выговскому, что его крамолы довольно понятны, что его желаніе быть Гетманомъ не есть желаніе всего Войска; были и угрозы. Въ то-же время Пушкаръ написалъ и въ Генеральный Судъ, извѣщая о дошедшихъ до него слухахъ, будто Выговскій захватилъ въ свое распоряженіе деньги не только Войска, но и лично принадлежація Юрію Хмельниченку какъ наслѣднику отца (около 1,000,000, по словамъ Лѣтописей) — и окончилъ донесеніе такъ: — Странно, что Судъ ничего этого не знаетъ, или зная, позволяетъ собою шутить, и не помнитъ послѣдней воли Богдана. — Пушкаръ

вспомнилъ и о Царѣ Русскомъ, Алексѣѣ Михайловичѣ, и послалъ къ нему въ Москву гонца Мартына Юнкovichа, извѣщая Его Царское Пресвѣтлое Величество о смятеніяхъ Украинскихъ. — Напрасно. Юнкovichъ былъ схваченъ и заморенъ голодомъ; а Генеральный Судъ не обратилъ никакого вниманія на донесеніе вѣрнаго сына Украины, если только оно дошло до него. Выговскій продолжалъ самовольничать попрежнему.

III.

Между тѣмъ въ Москвѣ, получивши отъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина извѣстіе о кончинѣ Хмельницкаго, ничего не знали о томъ, что происходило въ Малороссіи. Это побудило Государя послать къ Генеральному писарю Выговскому и Старшинамъ выговоръ за неуведомленіе его о смерти Богдана. Выговоръ повезъ въ Сентябрѣ 1657 года Полковникъ Стрѣлецкій голова Арта-

монъ Сергѣевичъ Матвѣевъ съ дьякомъ Перфильемъ Оловянниковымъ.

Выговскій оправдывался тѣмъ, что въ самый день смерти Хмельницкаго онъ приказалъ - было ѣхать съ вѣстію объ этомъ тремъ служителямъ въ Москву, но что Старшины стали бунтовать и говорить, будто онъ, желая получить Гетманство, отправляетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ всего Войска Запорожскаго, — и вотъ почему, прибавлялъ Выговскій, онъ ограничился извѣщеніемъ Кіевскаго Воеводы Бутурлина и Князя Ромодановскаго, прося ихъ донести обо всемъ Его Царскому Величеству.

Вслѣдъ за Матвѣевымъ прибыли въ Москву Козацкіе Посланники Есауль Юрій Мипевскій и Сотникъ Ефимъ Коробка съ извѣстительнымъ письмомъ Выговскаго объ избраніи его Гетманомъ и съ просьбою къ Царю отъ всего войска Запорожскаго объ утвержденіи его въ этомъ достоинствѣ. Просьба была принята милостиво, — и Козацкіе Посла-

ники воротились въ Украину съ Царской милостивою грамотой и съ увѣдомленіемъ, что ближній окольничій и Намѣстникъ Ржевскій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово назначенъ для приведенія къ присягѣ избраннаго Гетмана.

IV.

Въ такомъ положеніи были дѣла на Украинѣ, когда Пушкаръ созвалъ вольную Раду, и предложилъ на ней своимъ приверженцамъ обуздать силой оружія самовластіе Выговскаго: — Презрѣнный Полякъ владѣеть нами: чего добраго! Онъ предастъ насъ опять въ руки Католиковъ, и снова настанетъ для нашей родины страшная година Гетмановъ Острияницы и Полтора-Кожуха. А мы уже-ли будемъ молча ему повиноваться, уже-ли добровольно предадимъ на поруганіе себя, жонъ и дѣтей нашихъ, и склонимъ равнодушно наши головы подъ ярмо деспотовъ?—Такъ го-

ворилъ Пушкаръ на вольной Радѣ. Согласились собирать дружины.

Предсказанія Пушкаря скоро стали оправдываться. Выговскому нѣчего было сомнѣваться въ полученіи достоинства Гетманскаго, — онъ сталъ думать о другомъ — о княжествѣ, надѣялся получить его съ помощію Хана Крымскаго и Поляковъ, и вошелъ съ ними въ переговоры. Дворъ Польскій обольстилъ его обѣщаніями, и вырвалъ у него клятву передать снова Украину подѣ власть Поляковъ. Немного значила клятва Выговскаго, нетрудно было Выговскому забыть о ней; но эта клятва должна была быть для него самаго выгодна, и онъ далъ ее. Онъ готовъ былъ расточать клятвы, и умѣлъ ими пользоваться.

Предсказанія Пушкаря начали оправдываться, — и Пушкаръ послалъ къ Царю доносъ съ гонцомъ Яковенкомъ, а самъ между тѣмъ началъ приготавливать дружины.

Грозна была туча, собравшаяся

надъ Выговскимъ; но онъ сумѣлъ предотвратить ее, — по крайней мѣрѣ на время, если не на всегда. Облекши себя личиною вѣрно-подданнаго, онъ извѣстилъ Царя, будто Поляки, соединясь съ Княземъ Ракоціемъ и Ханомъ Крымскимъ хотятъ напасть на Россію; ласково принявъ Боярина Хитрово, поспѣшившаго пріѣхать въ Украину для слѣдствія по доносу Пушкаря; повидимому смиренно каялся во всѣхъ своихъ проступкахъ, даже отказывался не только отъ Гетманства, но и отъ опекуинства; — и успѣлъ дотого обмануть Бояръ, что его утвердили Гетманомъ. Въ Переяславлѣ на Радѣ Выговскій поклялся на Евангеліи служить вѣрно Царю Московскому; Митрополитъ Кіевскій Діонисій Балабанъ благословилъ его, и Хитрово вручилъ ему Гетманскую булаву.

А Пушкарь . . . Пушкарь уже выступилъ-было съ своей 20-титысячною дружиною, уже дошелъ-было до Лубенъ; но тутъ встрѣтился съ Бояриномъ Хит-

рово, выѣхавшимъ къ нему по просьбѣ Выговскаго, — и Царскій указъ, повѣлявшій ему быть въ полномъ послушаніи у Выговскаго, принудилъ его возвратиться въ Полтаву. Презирая личною враждою и помня вѣрность Царю и вѣрность завѣту Богдана Хмельницкаго, онъ смирился, и только вотъ-что написалъ къ Выговскому: — Царь утвердилъ тебя Гетманомъ нашимъ: быть такъ. Я подѣ твоимъ началомъ, и буду вѣрно служить тебѣ, — но помни, только до тѣхъ поръ, пока ты самъ не укажешь мнѣ пути идти противу долга присяги.

V.

Клятва вѣрности Царю Русскому и клятва вѣрности Королю Польскому мирились въ коварномъ сердцѣ Выговскаго; его правила чести позволяли ему смотрѣть на обѣ равнодушно и обѣ употреблять въ пользу. Онъ продолжалъ переговоры съ Поляками. Новыя тучи со-

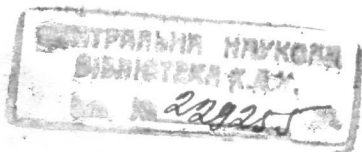
бирались; но онъ надѣялся на себя и на свое счастье.

Выговскій не могъ скрыть своихъ поступковъ отъ Украинцевъ. Замыслы его немногимъ были извѣстны; но дѣла его заставляли догадываться, что замыслы его злы, — и Украина стала волноваться. Начало тревоги положили храбрые Линчаевцы.

Линчаевцы, подобно Слободско-Украинскимъ Козакамъ, хранили твердо привязанность къ Царю Русскому. Многіе изъ нихъ погибли за это отъ Поляковъ, многіе замучены въ темницахъ Выговскимъ; но духъ, оживлявшій ихъ смѣлую кравчину, не упалъ отъ преслѣдованій. Во имя Царя и родины Линчаевцы не только выступали на Поляковъ, какъ на враговъ православія, но и грабили и разбойничали въ Польшѣ. Несчастія и правота Пушкаря и самовольство Выговскаго привлекли ихъ на сторону перваго противъ послѣдняго. Нѣсколько тысячъ вольныхъ ратниковъ яви-

лись къ нему, предлагая свои услуги, обѣщая истребить Выговскаго и весь родъ его, и всѣхъ друзей его. — Всѣ погубимъ — говорилъ ихъ Атаманъ Федоръ Липчакъ, — всѣ погубимъ наши души, но не погубимъ нашей родины, и не попустимъ погибнуть Гетманщинѣ отъ рукъ злодѣевъ. Богъ, Царь, твоя правда и наша сабля спасутъ тебя, — а Выговскаго да не будетъ. — Предводитель нѣкоторой части низовыхъ Запорожскихъ Козаковъ, Кошевой Гетманъ Барабашъ сталъ также на сторону Пушкаря противъ Выговскаго. — Мятежъ народный готовъ былъ вспыхнуть.

Принимая въ Чигринѣ Пословъ Польскихъ, Шведскихъ и Волошскихъ, Выговскій могъ ждать недобраго и изъ Москвы. Пушкаръ, не начиная военныхъ дѣйствій, отправлялъ къ Царю доносъ за доносомъ. Выговскій думалъ устрашить Пушкаря, какъ челоуѣка богобоязненнаго, властію духовною, неблагословеніемъ Митрополита Діонисія; но

отвѣтъ Пушкаря былъ таковъ: — Если Ваша пастырская милость будетъ карать своимъ неблагословеніемъ, то да караетъ она кого-либо, кто служить царямъ невѣрнымъ, а у насъ одинъ православный Царь. — Выговскій вздумалъ наконецъ самъ жаловаться Царю на Пушкаря, и съ такою жалобою отправилъ въ Москву Протопопа Максима Филимоновича, извиняясь между прочимъ передъ Царемъ въ томъ, что по причинѣ возмущеній и для охраненія Украины отъ Поляковъ, не можетъ быть самъ въ Москвѣ. Царь началъ уже сомнѣваться въ вѣрности Выговскаго и послалъ въ Чигринъ Подьячаго Якова Портомоина хоть и съ милостивою грамотой къ Гетману, но давъ ему приказаніе наблюдать за его поступками.

Выговскій надѣялся впрочемъ отогнать отъ себя всю бѣду.

Между тѣмъ какъ Пушкаревцы стали открыто бунтовать, Выговскій, пользуясь милостивою грамотой Царя,

послалъ къ нему Полковника Миргрѣдскаго съ просьбою о помощи войскомъ противъ Пушкаря и Барабаша; а самъ велѣлъ Полкамъ Нѣжинскому и Стародубскому выступить противъ Пушкарцевъ. Когда-же эти полки послушались его приказа, отказавшись поднять оружіе противъ братьевъ-товарищей,—когда потомъ его наемное войско Сербопольское и Татарское при рѣкѣ Груни и не подалеку отъ Полтавы было такъ разбито Пушкарцами, что принуждено было обратиться въ бѣгство, оставя въ плѣну у Пушкаря много своихъ вождей и въ томъ числѣ Господаря Гадяцкаго Тимошу; тогда Выговскій нашелъ другое средство, болѣе сильное. Искусно распустилъ онъ слухъ, что Царь хочетъ сдѣлать важную перемѣну въ устройствѣ Войска Запорожскаго, убавить число Козаковъ и многихъ обратить въ драгуны, что уже высылаетъ свое войско для занятія Украины, съ тѣмъ что-бы съ его помощію начать свои распоряженія.

Это разглашеніе имѣло свое дѣйствіе. Напрасно Пушкаръ разувѣрялъ Козаковъ: они вѣрили болѣе слухамъ для нихъ скорбнымъ, и отставая мало-помалу отъ Пушкаря, приставали все болѣе къ войску Выговскаго. — Почти въ то-же время Пушкаръ и Барабашъ получили Царскія Грамоты со Стольникомъ Ольѣимовымъ и дворяниномъ Волковымъ, запрещающія имъ бунтовать, а Ромодановскому вѣлно идти въ Украину для возстановленія тишины; между тѣмъ какъ Выговскій ожидалъ въ Гадячѣ Комиссаровъ Польскихъ для послѣднихъ переговоровъ.

Такъ Выговскій устраивалъ свои дѣла, и выслалъ на Пушкаря свою громадную толпу.

VI.

Не время уже было Пушкарю смириться. Онъ зналъ, какъ жестоко Царь обмануть, предвидѣлъ послѣдствія,

надѣялся на милость Царскую, а можетъ быть уже не надѣялся на свою силу, которая безпрестанно слабѣла, между тѣмъ какъ сила Выговскаго все болѣе росла. — Что будетъ, то будетъ, а мы идемъ, — писалъ Пушкаръ къ Царю, увѣряя, что не жалѣетъ своей жизни за Его Величество, и за него поднималъ оружіе.

Города, села, храмы Господни въ Восточной Украинѣ пылали, Татары грабили беззащитныхъ, уводили въ плѣнъ, а Поляки убивали; и наконецъ у Липовки сошлись рати Выговскаго и Пушкаря. Битва была грозная; но Пушкаревцевъ было мало, а Выговцовъ несчетное множество, — храбрость уступила силѣ, Пушкаревцы отступили къ Полтавѣ. Черезъ нѣсколько дней Выговцы осадили Полтаву....

Помолился Пушкаръ Богу на побѣду и на погибель, и началъ послѣднее дѣло. Искусно и храбро онъ повелъ его. Во время одной вылазки онъ успѣлъ,

несмотря на малочисленность своего войска, отнять не только пушки и весь обозъ у своего врага, но и Гетманскую булаву; а въ другой разъ обратилъ самого Выговскаго въ бѣгство. Но ни искусство, ни храбрость не помогали. Къ Выговскому подоспѣла новая помощь — 40,000 Татаръ подъ Начальствомъ Карамбея, а въ Полтавѣ умирали отъ голоду; Выговскій приказалъ зажигать окружные хутора и пригородки, а въ Полтавѣ нѣчемъ было тушить домовъ городскихъ, подожженныхъ лазутчиками Выговскаго. Полтава запылала, — и не было возможности ее защищать. У Пушкаря были еще дружины за Полтавой; но онъ не могъ извѣстить ихъ о своей бѣдѣ. Пушкарь собралъ на площади своихъ остальныхъ воиновъ, прощался съ ними, увѣрялъ, что ненаказанный ими Выговскій будетъ наказанъ самимъ Богомъ, принялъ отъ своихъ вѣрныхъ товарищей предсмертную клятву честію умереть за родину, — и грудью

встрѣтилъ вломившихся въ Полтаву Выговцевъ. — Такой сѣчи небыло и не будетъ, какова была эта Полтавская — Августа 19 дня 1656; не будетъ и такихъ храбрыхъ и честныхъ Козаковъ, какъ Пушкаръ и его товарищи. — Всѣ они пали; палъ и Пушкаръ, изнемогшій отъ ранъ, — и безвѣстная могила приняла остатки этого рыцаря великодушнаго, благодушнаго и неподвижнаго въ вѣрности къ Царю и родинѣ.

Оставались еще дружины, преданныя дѣлу Пушкаря подѣ Лубнами и Гадячемъ, и взяли эти города. Выговскій отрядилъ туда Полковника Нѣжинскаго Григорія Гуляницкаго: города осаждены, и подобно Полтавѣ взятые приступомъ преданы огню и мечу. — Нѣсколько сотъ Пушкаревцевъ, стоявшихъ подѣ Глуховомъ, также всѣ погибли.

Царское войско съ Княземъ Ромодановскимъ вступило-было въ Украину; но Выговскій поспѣшилъ поблагодарить Царя и извѣстить его, что онъ уже не

имѣеть нужды во вспомогательномъ войсѣ, — и Ромодановскій получилъ повелѣніе возвратиться.

Выговскій освободился отъ врага соперника, — и могъ теперь безъ препоны продолжать свои замыслы . . . .

Когда нибудь расскажу, что дѣлалъ онъ на Украинѣ послѣ гибели Пушкина, какъ передался Польшѣ, какъ измѣнилъ Царю Русскому, какъ сдѣлался Сенаторомъ и Воеводою Русскимъ, какъ потомъ бѣжалъ въ Польшу, и какъ наконецъ погибъ отъ рукъ самихъ Поляковъ: Пушкина не стало; но Пушкинцы должны были восторжествовать.

Подробности о Выговскомъ и Пушкинѣ взяты мною изъ Разговора Хмельницкаго съ Байческуломъ, изъ Лѣтописи Дзѣвовича, Сказаній о Гетманахъ Малороссійскихъ, изъ Записокъ Шафонскаго. Кое-что дополнено изъ Исторіи Малой Россіи. — Въ концѣ книжки помѣщены Пѣсни въ Русскомъ переводѣ, объясняющія сказанія Лѣтописцевъ: N 1 и 2.